

Автор: Морозова Ю.(Россия) Автор: Есельсон С. (Россия)

— С.Б., расскажите, с чего все начиналось?

— В 2003 году в Москве, на конгрессе профессиональной психотерапевтической лиги, мне довелось делать доклад, обобщающий первые четыре года существования Института. Пожалуй, самым внимательным слушателем тогда был Альфред Лэнгле. Он задал мне один вопрос: «Почему так случилось, что Вы занялись Институтом?». Помнится, я задумался и ответил примерно так: «Бывают жизни многосерийные, когда в одной жизни ты проживаешь несколько жизней. К 1998 году у меня закончилась очередная серия. Надо было решать, что дальше. Из множества дорог в тот момент, осталось только три видимых для меня: пойдешь направо — будешь вкладывать силы в созданную когда-то региональную конфликтологическую ассоциацию, будешь разрешать конфликты; пойдешь налево — будешь готовить специалистов по диалогу культур; пойдешь прямо — будешь заниматься экзистенциальной терапией. Первые две дороги были нехоженые, на третьей — у меня был Учитель, Александр Ефимович Алексейчик. Я пошел по третьей».

Ответ мой Лэнгле то ли озадачил, то ли устроил, но вопросов от него больше не последовало.

— Расскажите об изменениях в имени Института, прошедших с 2004 года, с тех пор как вы написали статью о пятилетии Института.

— Когда создавался Институт, для него было придумано двусоставное название: Институт экзистенциального консультирования и осмысления религиозного опыта. Как видите, слово психотерапия в названии отсутствует. При создании Института мы изначально решили, что термина «психотерапия» в нем не будет. В то время мне несколько раз пришлось столкнуться с тем, что государственные органы в разных регионах России охотились за коллегами, давшими объявления о том, что они занимаются психотерапией или эриксоновским гипнозом. Моим коллегам приходилось доказывать, что они «не верблюды», что то, чем они занимаются — это не медицина, что медициной они не занимаются и заниматься не будут, поэтому медицинская лицензия им не нужна, и что их гипноз — это не тот гипноз, который в 30-е годы в Советском Союзе было решено поставить под особый контроль. Я решил сразу не искушать. Далее, в 90-е годы в Москве начали предприниматься попытки ввести лицензирование деятельности по психологическим услугам населению. И я решил, от греха подальше, не связываться и с термином психология. Так появилось «экзистенциальное консультирование». От медицины и от психологии нас оградил водораздел, который со временем становится всё более явственным.

Вторая часть названия родилась из жизни.

В 1997 году, 2 августа, я оказался в православном храме. Собирался я туда первого августа в день Серафима Саровского причащаться, но церковь оказалась закрытой, священник куда-то уехал, женщина из свечной лавки сказала: «Приходите завтра, он

будет точно». Я пришел второго августа и попал на день памяти Илии Пророка. Помнится, священник прочел проповедь, в которой говорил странные для меня вещи про Илию Пророка. Я решил проверить, и такая возможность скоро представилась. Мне попался в руки том Житий святых, написанных Дмитрием Ростовским в семнадцатом веке, с житием Илии Пророка, я прочел и ахнул. То, с чем я встретился в Житии, не вмещалось в привычные мне представления о святости как совершенстве. Я встретился со сложным жизненным путем человека, в жизни которого присутствовал Бог как Отец, как мудрый воспитатель, человека, преодолевшего благодаря мудрому воспитателю множество своих тяжелых задатков. Я увидел святость как итог жизни, обретенный несмотря на все ужасные падения, которые происходили в течение жизни. Позже мне представилась возможность обсудить прочитанное. У приятеля в гостях был монах, покинувший монастырь, разочаровавшийся человек, говоривший о том, что не понимает и не принимает Ветхий завет, в том числе Илию Пророка. Тогда мы с ним начали обсуждать жизнь Илии в динамике, жизнь как извлечение уроков, как воспитание под руководством Бога — Отца в направлении преображения. То впечатление, которое произвело на него такое понимание жизни Илии Пророка, привело меня к мысли, что эта история в том её понимании, которое пришло ко мне, может оказывать существенное влияние на жизнь людей.

И позже, когда на 1-ой конференции Восточно-Европейской Ассоциации экзистенциальной терапии надо было провести малую группу, то я выбрал проведение терапевтической группы по житию Илии Пророка. С этого момента в моей жизни и профессиональной деятельности начало складываться новое направление — встречи со святыми через их Жития, переосмысление своей жизни через Жития Святых, в свете этих встреч. Для малых групп мной выбирались те Жития, в которых виден выход из жизненных тупиков в русле некоторой определенной экзистенциальной темы. И на группу приходили те люди, у кого была душевная боль на эту же тему.

Такое вот и получилось «осмысление религиозного опыта».

— Действительно, название, рожденное в жизни. Но теперь Институт называется Международный Институт Экзистенциального консультирования. Расскажите, почему изменилось имя?

— К изменению привело несколько причин:

С одной стороны, проект «осмысление религиозного опыта», который был заложен в названии, выполнен. Стало ясно, что этот проект — одна из частных Института, как и многие другие. У нас есть и терапия русской художественной литературой — экзистенциальная библиотерапия, появились и экзистенциальные путешествия и многое другое; прояснилось общее — культуросообразность возникающих форм жизни Института и в Институте. Возникшее множество форм осмысления опыта показало, что только одну форму («осмысление религиозного опыта») неправильно выносить в название Института.

С другой стороны, социально такое название стало мешать. У людей возникал вопрос — не секта ли вы? Так что такое название уже и не отражало нашу

деятельность, и мешало работе.

Также была еще одна причина. Мы вышли за пределы города Ростова-на-Дону. У нас появились учебные площадки в Украине, к нам стали поступать слушатели из разных стран: Украина, Россия, Беларусь, Германия. Институт приобрел международный характер. Поэтому созрело простое название, точно отражающее, что происходит в нашем Институте: Международный институт экзистенциального консультирования.

— С.Б., расскажите, а как проходит отбор в Институт? Что надо сделать, чтобы поступить?

— Сейчас отбор в Институт проходит через отборочные группы. Чаще всего не мы отбираем слушателя, а он отбирает нас. Например, стоит отборочную группу сделать четырехдневной, и отбор уже пошёл, многие не доходят до группы, выбирают другие, более важные дела.

Те, кто дошёл до группы, но пришел на метод посмотреть, на ведущего, себя показать — как правило, не могут пройти отбор, чаще всего по причине невнятности и невозможности открываться, делиться с другими своими горестями и печалью, своей загнанностью, запутанностью, тупиками своей жизни.

Те же, кто выдержал отборочные испытания, осмысливал болезни своей души, стремился к избавлению от них, кто был способен увидеть себя не как душевно здорового, а как душевно больного, кто смог пережить удар по самолюбию в группе, те после этого, как правило, принимают решение идти учиться в Институт. А иногда всё проще — если ты настолько мотивирован, что приехал на отбор за 1500 км, то ты почти наверняка уже отобран.

Практически невозможно пройти отбор тем, у кого стоит задача подсмотреть, подслушать, понаблюдать, тем, кто хочет с помощью Института получить статус в профессиональном сообществе. И даже если иногда такие люди попадают в Институт, то им безумно трудно в нём пребывать. Они будут обязательно разочарованы и с гневом уйдут.

Или вспоминаются другие случаи. Отборочные группы идут последние два года, а до этого проходили собеседования. На собеседованиях, бывало, поступающие, на вопрос о слабых местах, о том, из-за чего возникает боль в душе — становились в боевую стойку. Оказывалось, эта информация, по их представлениям, строго конфиденциальна, потому что располагая ей, дескать, можно ими манипулировать. Отбор они не проходили.

Или вот вспоминается старый анекдот про то, как Василий Иванович рассказывает Петьке про попытку поступления в академию генштаба: «Понимаешь, Петька, сначала было все хорошо, кое-что сдал — кровь, мочу — а на математике провалился». Так и в жизни, проходит собеседование — все хорошо. А на вопрос: «Что не так в Вашей жизни, какие бы проблемы хотели разрешить, из какого тупика хотелось бы выбраться, какие

узлы своей жизни развязать или, наоборот, затянуть». В ответ — ступор. Потом что-то вроде того, что «чукча не читатель, а писатель», если следовать классическому советскому анекдоту. Такие люди оказываются слишком благополучными, чтобы идти учиться.

А некоторым приходилось специально рассказывать и показывать, насколько Институт недостоин их присутствия.

— Итак, отбор пройден, а как проходит обучение в Институте?

— В нашем Институте всего одна стадия обучения. Сделать много этапов несложно. Можно за каждый этап давать сертификат на право работы. И в итоге выстроить целую финансовую пирамиду на процессе обучения. У нас неспешное обучение: четыре года, одна сессия в полгода. Между сессиями — работа над собой по итогам сессии, подготовка к следующей, интегрирование в жизнь полученных результатов, вынесение уроков, анализ ошибок, ведение логоаналитического дневника. В итоге — неспешное обучение, разрешение коллизий своей жизни, обучение на своей шкуре. Вы знаете, в консультировании, практической психологии и психотерапии проще просто посадить ученика на «иглу». Когда-то, когда я вернулся в Ростов и образовал Институт, то надеялся, что первыми нашими слушателями станут мои бывшие сотрудники и ученики. Однако, они все уже занимались в каких-то школах, чаще всего — гештальт направлении. Многие, помнится, мне говорили — вот пройдет еще год, мы закончим, и придем к вам. Прошел год, и два, и пять, и десять, а они все учатся, и учатся, и учатся.

Четыре года достаточно, чтобы стать специалистом, работать в консультировании, стать коллегой.

Еще иногда представители других школ в психотерапии интересуются у меня и у слушателей: «А кто у вас дает право вести группы, клиентов, супервизировать, преподавать?» У нас это право не дают, а берут. Право вытекает не из красивых бумажек со штампами и подписями, а из умения человека помогать тем, кто к нему обращается за помощью. Право возникает из признания профессионала клиентами, из беспроводного телеграфа, по которому разносится весть о том, что такой-то и такой-то помог моему сыну избавиться от игровой зависимости, а такой-то и такой-то помог моей дочери восстановиться после того, как ее внезапно бросил муж.

— С.Б., а как в Институте обстоит дело с правилами, принятыми в классических школах? Например, есть правило, что каждый терапевт должен пройти определенное количество своей индивидуальной терапии?

— Как-то к нам поступал слушатель. При поступлении задал вопрос: «Мне надо набрать часы индивидуальной терапии. Могу я это сделать у вас?» — «А зачем?» — «Как это зачем? Не знаю, так везде принято».

У нас же индивидуальная терапия — дело индивидуальное. Никакой обязательности. Если ты нуждаешься во встречах с консультантом, то ты об этом

заявляешь и ты их получаешь, а если нет — то нет. Многие вопросы человек способен решить сам, справиться сам или вместе с близкими, верующий многие вопросы решает с духовным отцом.

— С.Б., расскажите, а какие особенности существуют в Вашем Институте и лежат в основе обучения?

— Первая особенность — все уникально, никаких универсалий. Уникален каждый клиент, пришедший к экзистенциальному консультанту, уникальна его ситуация, она не шаблонна. Жизненные коллизии одного клиента лучше видятся, лучше описываются в языке измерений бытия по Эмми ван Дорцен, а другого — нет. Например, встречаешься с клиентом, у которого в жизни все время бой или игра. Его тянет читать Карнеги и Берна, он чувствует интриги на работе, они захватывают его дух, а вот с любовью ничего не выходит. На его пути встречается девушка, которую не обыграешь, которая словно инопланетянка, хочет чего-то странного. Он не может понять и увидеть, чего именно она хочет, так как это что-то из невидимых ему измерений жизни. И он начинает чувствовать свою инвалидность, свою одномерность. И тогда возникает возможность большой терапии через Эмми, через то, что схватывается в её языке — через помощь в расширении своей жизни до новых измерений бытия.

А вот другой клиент. И там все по-другому. Там на месте мечты — пустота. И здесь уже нужен язык Франкла.

А вот третий. Жил по волнам своих чувств. Влюбился. Женился. Семья, ребенок. Покой, благополучие. Вдруг на работе появляется новая сотрудница. Влюбился. В итоге стал с ней жить. Ушел из семьи, но как «честный человек» приходил встречаться с ребенком. Стало жалко смотреть на жену, невыносимо смотреть на ее страдания. Вернулся в семью, но остался на той же работе. Каждый день видится с той женщиной, становится ее жалко и открывается, что он любит ее. Снова уходит к ней. На третьей ходке, когда жизнь его, двух женщин и, может быть, ребенка начала превращаться в кошмар, пришел к консультанту. И в этом случае помогает и используется уже язык Кьеркегора.

А иногда бывает так, что клиент — человек, которому адресована строка из Библии. Консультант тогда связующее звено между человеком и этой строкой, проводник. А иногда жизнь клиента до боли напоминает жизнь Ивана Карамазова — и тогда открывается путь через Ф.М. Достоевского. Как видите, никаких схем, в том числе и экзистенциальных.

— А какие еще особенности присутствуют в нынешней жизни Института?

— Как минимум, ещё две: культуросообразность и действие. Обучение построено с учетом культуры, ментальности наших людей. Помню западных консультантов, которые сетовали на то, что клиенты в России и Украине выполняют все их задания, правильно строят дерево целей, но реализовывать их совершенно не собираются.

Я думаю, что универсальные методики в экзистенциальной терапии и консультировании — иллюзия, порождённая естественнонаучным сознанием её носителей. В разных культурах — разное отношение к жизни, событиям, происходящим в ней, разное отношение к себе и другим людям. Например, в православной Руси существуют два больших праздника, одного из которых вообще нет, а другому не придаётся большого значения в других христианских культурах, не говоря уже о нехристианских. Это праздник Покрова и праздник Преображения.

История Покрова — Византию теснили арабы, они уже завоевали огромные территории и осаждали Константинополь. Оборона трещала по всем швам, помощи ждать было неоткуда. При этом люди продолжали жить как ни в чём не бывало, не приходя в сознание. Ни единой мысли о том, что было что-то в их жизни не так, о том, как дожились они до катастрофы. Ни тени раскаяния. И тут появляется огромное облако в образе Богородицы. Она снимает платок и бросает вниз. Город и окрестности окутывает густой туман. Набожные арабы испугались происшедшего, сняли осаду и ушли восвояси. Эта история оказывается очень важной, когда экзистенциальное консультирование происходит в русской культуре. Здесь часто не прощение, а милосердие, помилование, амнистия. Даже если человек не раскаивается, это не означает отсутствие защиты, его можно покрыть и оградить от беды.

В празднике Преображения скрыт иной смысл: всё возможно, всё может измениться, всё может быть преображено. Преступник может стать святым, пройти такой путь, как прошел князь Владимир — от злодея, нарушившего все заповеди, все мыслимые и немыслимые моральные нормы, — до святого, до народного любимца, организатора бесплатных столовых для нищих, бесплатных ночлежек, государственного попечительства над вдовами, сиротами и одинокими стариками, до человека, пытавшегося до конца своих дней хоть как-то искупить свою вину перед бывшими своими жертвами. Этот путь отражается и в русском искусстве, кинематографе. Это и роман Толстого «Воскресение» и фильм А. Германа «Проверка на дорогах». Несколько лет назад вышел и произвёл большой шум фильм «Остров», где человек проходит путь от труса и предателя до старца. Недавно пришло такое понимание — если ты с представителем Поднебесной, то акцент на формирование самообладания, на регуляции самообладания. Если в русской культуре главное — вера в возможности преображения человека. Как писал замечательный экзистенциальный мыслитель и богослов Антоний Сурожский: «В царство Божие не идут от победы к победе, а часто от поражения к поражению; доходит тот, кто после каждого поражения не оглядываясь на себя, не оглядываясь на своё поражение, встаёт и идёт вперёд, к Богу». У нас никогда дважды два не равно четырём.

— С.Б., Вы, как и Александр Ефимович Алексейчик, часто обращаетесь к религиозной литературе, например, проводите библиотерапию по «Отцу Арсению». Как это сочетается с религиозностью самих слушателей?

— Нам близко по духу древнее «Врачу, исцелися сам». То есть пришедшие в Институт с помощью пребывания в нём пытаются искать выход из своих жизненных коллизий. Если слушатель верующий, то максимальный прок — пробуждение покаянного

настроения, прояснение, с чем идти на Исповедь, далее начинается сфера деятельности церкви, священника, духовника. Но когда приходит человек неверующий, с развергшейся перед ним внутренней пустотой, потерявший ориентиры в жизни, то сессии в Институте могут становиться формирующими, задающими принципы, задающими примеры — образы мыслей и действий, по которым человек ищет и находит выходы из сложных коллизий своей жизни. Такие образы мыслей ищем и находим чаще всего в Житиях как канонизированных святых, так и ещё не канонизированных, но почитаемых в народе подвижников. Может быть, поэтому многие слушатели становятся верующими.

— А о чём Вы говорили, когда речь шла о действии?

— Если сказать четырьмя словами, то: «слова без действия пусты». Это то, на чём строится интенсивная терапевтическая жизнь А.Е. Алексейчика — отца основателя экзистенциальной терапии, растущей из русской культуры: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Лучше один раз почувствовать, чем сто раз увидеть. Лучше один раз захотеть, чем сто раз почувствовать. Лучше один раз сделать, чем сто раз захотеть. Лучше один раз сделать с любовью, с душой, с вдохновением, чем сто раз...». Это — фундамент экзистенциальных терапевтических групп. В группе важно, чтобы то, что в ней происходит, не превращалось в театр. Если на группе ты принимаешь какое-либо решение, то реализуешь ли в жизни? Если же реализация решения откладывается, то на память приходит: «всё отложенное, откладывается навсегда». Поэтому и возникает вопрос о правде принимаемых решений, об их «настоящести». Если во время группы не проходишь первый сантиметр пути, то шансы, что пройдёшь впоследствии километры не очень велики.

Но бывает и так: вместо того, чтобы реализовывать принятые на группе решения в жизнь, ты бросаешься ещё и ещё проходить группы. Это «бегство» по терапевтическим группам приводит к тому, что вызревающие решения, не созревают, не реализуются, а «заштукатуриваются» новыми впечатлениями и новыми «решениями». Поэтому у нас есть пожелание для слушателей Института, — если ты участвуешь в терапевтической группе во время учебы, то проходишь две такие группы в год. Дальше — интегрируешь полученные результаты в свою жизнь. На основании этого принципа и выстроена наша учебная программа: две сессии в год. Каждая сессия на сегодня — это восьмидневный терапевтический процесс. Во время каждой сессии половину её занимает большая трех-четырехдневная терапевтическая группа, а половину — выражаясь кулинарным языком, мелкая нарезка, малые формы, длительностью от четырех часов до одного дня. Во время сессии и после неё — ведение дневников, прояснение, осмысление происшедшего на сессии, интеграция в жизнь.

— Вы так подробно рассказали о принципах обучения в Институте, скажите, а что является итогом учебы? Что на выходе получают слушатели?

— Итоги пребывания в Институте могут быть разные. Это может быть поворот жизни к лучшему, например, свадьба, решение семейных вопросов. И часто бывает так, что после такого поворота в жизни пребывание в Институте больше не нужно. А можно дойти до конца и остаться в профессии, обрести в

ней свое лицо. Каждый обретает свое лицо сам, никто специалиста не учит специально, не предлагает специализацию, в процессе учебы слушатель сам для себя открывает возможности и видение себя в профессии. Так одни изобретают экзистенциальную фильмотерапию, другие — экзистенциальный театр, третьи — открывают таланты на поприще работы с зависимыми людьми, четвертые — изобретают экзистенциальные бизнес-тренинги и др. Это удачные итоги обучения в Институте.

Но бывают и другие итоги. Слушатели учатся, но не пишут работ, участвуют в группах, но не реализуют решения в жизни, а ищут и ищут постоянно новые группы, уже неважно какой терапевтической школы. Тогда пребывание в Институте для слушателей превращается в замену наркотика. Будоражит, вызывает эмоции и ничего более, тогда возникает зависимость, а не обучение. Кстати, мы не требуем показывать содержание терапевтических дневников, важен сам факт написания, он помогает изменениям войти в жизнь, помогает в работе над собой.

— А что происходит после завершения обучения? Объединяются ли выпускники в какое-нибудь сообщество?

— В Институте всё основано на свободном выборе человека. Поэтому и встречи слушателей и выпускников происходят по необходимости. Если у кого-то из наших коллег есть затруднение, необходима помощь, то после просьбы о помощи собирается супервизия. На нее приходят те, кто могут и хотят прийти. Так и возникают у нас сообщества: добровольно и при необходимости получить помощь, что-то обсудить, без обязательного в них участия. Любая другая форма организации сообщества: на базе терапевтических групп, учебы в Институте не приветствуется. Чтобы тусовка не уводила от разрешения реальных коллизий реальной жизни.

— Кстати, о супервизиях. Как-то во время сессии на ростовской учебной площадке Института приехавшая коллега провела супервизию так, как это принято, как я поняла, в Балтии, с фокусированием, и она сильно отличалась от того, что проводится в Институте. Это была случайность или у супервизий в МИЭК действительно сильная специфика?

— Это была не случайность. Учебные супервизии во время сессий вообще часть терапевтического процесса, который представляет собой сессия в целом. Супервизии же между сессиями направлены на то, чтобы помощь коллеге оказалась действенной, и здесь у нас смещаются все рамки, пространственные, временные, методические. Что характерно для нашего экзистенциализма. Можно сказать так — разворачивается групповой процесс, позволяющий супервизируемому сформулировать вопрос к коллегам и получить ответ. Если для научного и инженерного сознания, по крайней мере, со времён Декарта, характерно следование определённым методам, то у нас каждая супервизия неповторима. Кстати, такие супервизии берут начало в той же Балтии, они подобны тем супервизорским группам, что проводил Александр Ефимович Алексейчик.

— Вы недавно проводили на первой ростовской учебной площадке Института логотерапевтический семинар на тему «Мои мечты», где слушатели работали над

ответом на вопрос «хорошо бы, чтобы что..?» Можете ли Вы ответить на такой же вопрос, применительно к Институту?

— Хорошо бы, чтобы в недрах Института выросли самобытные экзистенциальные консультанты, в результате со-бытия с клиентами которых, восстанавливались бы порушенные взаимоотношения между близкими людьми, «разминировалось прошлое», клиенты лучше бы справлялись с тяготами своего бытия, с большей надеждой смотрели в будущее. Кстати, это касается и жизни самих консультантов — духовно и душевно слепой человек, если возьмётся быть поводырём, может другого завести только в пропасть.

Хорошо бы, чтобы, выражаясь языком Виктора Франкла, наши люди научились в большей мере не самореализовываться, а самотрансцендироваться. Научились быть счастливы от того, что у их клиентов жизнь меняется к лучшему, а не от того, какие мы крутые специалисты, научились горевать горестями клиентов, а не своими неудачами.

Хорошо бы, чтобы наши люди научились быть критичны к себе и милостивы к своим клиентам, коллегам, близким. Наверное, это самая сложная мечта.

Хорошо бы, чтобы в недрах Института выросла своя школа в области экзистенциализма, выросли экзистенциально мыслящие философы, культурологи и богословы, выросла своя профессура. Есть много работы, но пока мало работников. Пока что нам трудно отстаивать свои позиции. Когда мы начинали устраивать учебные площадки в других городах, как правило, вузовских центрах, то полагали, что без труда найдём местных философов-экзистенциалистов. Оказалось, что тот экзистенциализм, который вырастает в нашем Институте и тот, о котором пишут в учебниках, — две большие разницы.

Я мечтаю о том, что в недрах Института будут созревать и реализовываться нового типа социальные проекты. Сейчас их в Институте два: «Память будущих поколений» (осмысление истории своего рода, работа над ошибками) и «Экзистенциальные путешествия» (уход от обычного паломничества к проведению групп с использованием Житий святых прямо на месте ключевых событий жизни этих святых).

Было бы замечательно, если бы эти начинания не зачахли, а широко развивались, вышли за пределы Института, пережили и меня и Институт и превратились в традиции. Я мечтаю о том, что наши люди будут творить новые и новые экзистенциальные социальные проекты, и они начнут постепенно заменять инженерные социальные проекты, в которых люди — один из ресурсов, иногда даже один из материалов, и которые реализуются только когда людей гнут в них через колено или когда туда подведены деньги; такие проекты прекращают своё существование с прекращением насилия или денег. Я мечтаю, чтобы МИЭК расширял ареал своего существования. В первую очередь, на страны культурной территории православия.

— Почему именно православия?

— Потому что в каждой культуре свои, совершенно разные ключевые истории, нарративы, по которым, как по камертону, настраиваешься, с которыми сверяешь свою жизнь. Если ты этим историям сам для себя не веришь, не работаешь с их помощью над своей жизнью, с какой стати ты станешь в них верить для другого, для своего клиента. Если говорить языком Эмми ван Дорцен, то «духовное измерение бытия» твоих клиентов для тебя будет закрыто. Когда-то, в 93-м, в Москве на круглом столе — братанье представителей разных религиозных конфессий, С.С. Аверинцев, обращаясь к присутствующим, в ужасе говорил: «Станьте для начала собой, православные — православными, католики — католиками, буддисты — буддистами, мусульмане — мусульманами и т.д. Потом посмотрите на пропасть, которая Вас разделяет. И если после этого не пропадёт желание диалога — тогда вперед». Моя мечта, чтобы у нас получалось экзистенциальное консультирование хотя бы с людьми православной культуры, чтобы на это хватало веры у наших консультантов. Я имею в виду консультирование людей, выросших в культурной среде России, Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Болгарии, Сербии, Греции, Черногории, Румынии, Кипра.

— То есть Вы даже и не мечтаете об экзистенциальном консультировании, скажем, китайцев?

— Совсем другие истории; почитайте «Троецарствие» или «Речные заводы». К сожалению, проект Петра I и Иннокентия Иркутского не реализовался и христианские мотивы в жизнь китайцев практически не вошли.

— С.Б., Вы сказали, «чтобы хватало веры у наших консультантов». Вы не оговорились? Веры или умения?

— Я не оговорился.

— Тогда скажите, что, на Ваш взгляд, необходимо, чтобы быть экзистенциальным консультантом?

— Минимально. Веры в то, что жизнь клиента всегда сложнее любых твоих представлений о ней. Надежды на то, что Вы вместе с ним найдёте выход из любых лабиринтов и тупиков его жизни, невзирая ни на какие неблагоприятные тенденции. Желания ради клиента заткнуть подальше себя, свои беды и печали.

Если это есть — остальное приложится.

— А какие опасности подстерегают Институт, какие препятствия на пути его развития?

— Могу сказать, что сдерживало. Моё маловерие — распылял свои силы, зарабатывал на консультировании, на бизнес-тренингах, на исследованиях, а Институту уделял внимание в остающееся время. Помогло очнуться как-то найденное своеобразное завещание отца, его выписки про веру в себя. Я начал брать благословения и идти на работу как в бой. Помнится, есть такое Житие — великого врача римской древности,

мученика Трифона. Когда начались многомесячные пытки с целью заставить его отказаться от веры, то он читал короткую молитву, которая помогла переносить любые мучения: «Если Бог со мной, то кто против».

Первое препятствие себе — мы сами.

Какие опасности подстерегают, я не ведаю, могу сказать, какие проявлялись до сих пор.

Первая — в лице людей, которым нравится дух Великого Инквизитора, дух евангельского Каиафы. Когда-то в 2002-м такие люди, писали донос на Институт и вообще экзистенциальную психологию в церковные органы, с собиранием фраз из разных статей и книг Ролло Мэя, Кочюнаса, Бюджетала, Франкла, Алексейчика. Предлагали рекомендовать верующим относиться к экзистенциализму как философии, подрывающей устои веры и разлагающей умы. Тогда удалось отбиться. В этом году произошла примечательная встреча с философом и богословом, горевшим острым желанием продиагностировать, к какому виду ереси относится экзистенциальная терапия, и приступить к каким-нибудь действиям. Во всяком случае, он проговорился, что монахи, бывавшие на группах Алексейчика, уже продиагностированы, и против них начались какие-то не очень понятные мне действия. Самое паршивое во всём этом — заразительность: мне хотелось самому его приписать к одной из ересей.

В одной из песен Александра Галича есть замечательные слова: «бойтесь тех, кто знает, как надо» (в древности таких называли фарисеями), а в одной из песен Андрея Макаревича выражается мечта некоторых людей о том, чтобы мир «прогнулся под нас».

Вообще говоря, очень узнаваемы ситуации из романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

Вторая опасность — тоже хорошо описана в этой книге. Эта опасность подобна той, что погубила когда-то Иоанна Предтечу. Клиенты, не берущие на себя ответственности за злоключения своей жизни, ищущие крайнего, всегда его могут найти в лице терапевта. Я помню пациентку в Вильнюсе в начале 90-х, привыкшую играть роль несчастной жертвы. Когда в ходе работы Алексейчика маска стала спадать и обнажилась морда маленькой нераскаявшейся ни в чём, не сожалеющей ни о чём хищницы, и можно было идти дальше, можно было пожелать быть иной, но она сказала, что теперь не успокоится, пока не отомстит Алексейчику. А вскоре отделение Алексейчика сгорело. У нас тоже, бывало, уходят из Института с задетым самолюбием, сыпя угрозами.

Этих опасностей невозможно избежать, их приходится учиться переносить.

— С.Б., последний вопрос. В Институте очень популярна экзистенциальная фильмотерапия. Какой фильм, на Ваш взгляд, в большей степени на сегодня воплощает дух Института?

— В последнее время всё чаще вспоминаю «Ворошиловский стрелок», про то, как девочка снова запела после того, как у неё возродился дух защищённости.